

ДМИТРИЙ ВОЩИНИН

Крымские рассказы

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Дмитрий Вошинин 2019

© Skleněný můstek s.r.o. 2019

ISBN 978-80-7534-238-6

Содержание

Скамейка Синани

Художник

Часть первая

Глава первая – Поиск пути

Глава вторая – Любовь, как провидение

Глава третья – Одержимость в творчестве

Глава четвертая – Сподвижники, друзья

Глава пятая – Любовь к птицам

Часть вторая

Глава первая – Домик у Черного моря

Глава вторая – Великий промоутер

Глава третья – Наследие. Ученики, словно собственные дети

Январь 2019

Крым сегодня

Скамейка Синани

Пройдя вниз по окутанному туманом парку с криками лесной горлицы и глухим оханьем местной совы, Гранин вышел на безлюдную набережную.

Наполненный живительной сосной воздух приятно и свободно проникал в легкие.

Белесое небо раннего утра с едва заметным ореолом солнца тихо пробуждало чувства и желания нового дня.

Он спустился к тихой ласкающей воде. Пропитанная прохладой моря атмосфера слегка щекотала ноздри. Влажный песок поскрипывал под ногами.

«Скоро он превратится в обжигающую пыль и вместе с жарой до конца дня завладеет этим красочным и нежным островком умиротворяющего спокойного моря» – с некоторым сожалением подумал он.

Немолодой, но еще стройный мужчина отдыхал уже неделю здесь, в Гурзуфе, в объятьях морского бриза, ласкового солнца и наслаждался целительной крымской природой.

С момента прибытия в санаторий он сразу почувствовал, как не хватало ему этой благоуханной и необычной красоты. Казалось даже, что и Крым ждал его и так же радовался долгожданной встрече.

Гранин бывал здесь перед окончанием школы с отцом, приезжал сюда «дикарем» после службы в армии, потом студентом в преддверии будущей наполненной надеждами жизни. Невольно предаваясь воспоминаниям, он вдруг остро ощутил ту неоправданную суету жизни, которая заставила его на долгое время забыть и прервать общение с этими прибрежными красотами.

Глядя на уходящий вдаль синий горизонт, он чувствовал, как будто вернулся в родные места юности, в ощущение молодости и ясно понимал, что его душа оставалась здесь всегда и теперь будто заново ожила, наполнялась новыми надеждами.

Словно изголодавшийся по родным местам путник, он удивлялся постоянно меняющимся краскам безбрежного моря. Они двигались к берегу из темной синей пучины, от горизонта.

Отдаляясь от него, водная гладь светилась яркой глазурью с зеленоватыми оттенками и постепенно переходила в широкую прибрежную нефритовую полосу с ласкающими глаз барашками волн, а уже совсем близко становилась прозрачной, оголяя крупные подводные камни и нежно омывая пляжный песок.

Гранин заворожено смотрел на выходящий с Аюдага круто отесанный горный осколок, отбросивший в воду две непохожие друг на друга скалы. На фоне громадной фигуры зверя-исполина они казались забавными и разными по характеру братьями-медвежатами.

Вдалеке чуть ниже горизонта был замечен круизный теплоход, казавшийся издали крохотным и беззащитным на фоне морской стихии.

«Как он похож на нашу скоротечную жизнь – эту вечнодвигающуюся куда-то песчинку мироздания в необъятной вселенной...» – невольно промелькнуло в его голове.

Мужчина прошелся по пляжу, по крутым ступенькам вновь поднялся на набережную и медленно пошел вдоль моря. В преддверии жары оно уже начинало немного волноваться.

Гранин повернул обратно. Прибрежные платаны, строгие кипарисы зашевелились от дуновения слабого ветра, а цветущий миндаль ответно вторил нежными запахами весны. Подойдя к воротам санатория, он не спеша пошел вверх вдоль шумящей речки между реликтовыми соснами, можжевельником и лавровым кустарником гурзуфского парка.

Накануне, знакомясь с изданиями о достопримечательностях Крыма в местном киоске, Гранин наткнулся на красочно оформленную книжку «Антон Чехов. Письма из Ялты». Он с удовольствием полистал издание и с большим интересом узнал и об опубликованном недавно дневнике Синани – владельца старинной книжной лавки в Ялте, где в конце XIX и начале XX века он с успехом продавал книги русских писателей. Большинство из них, в том числе Чехов, Куприн, Горький, Бунин, именитые художники того времени оставили там незаурядному книголюбу свои записи и краткие впечатления. В книге упоминалось о примечательной оборудованной хозяином широкой скамейке около магазина, где часто сидели и беседовали мастера слова. Было любопытно узнать, что Синани искренне дружил со многими из них, и Антон

Павлович за три дня до своей смерти написал ему теплое благодарственное письмо из далекой Германии.

«После завтрака поеду в Ялту» – решил он, – «Надо найти этот книжный магазин и скамейку».

Ялта встретила Гранина мягким, уютным дружелюбием и на редкость спокойным восточным гостеприимством. Он заглянул на обширный и разноликий базар, где размеренная жизнь, будто из прошлого, шла своим устоявшимся ненавязчивым чередом.

Окутанные южной зеленью дороги вели вниз к морю.

Он спросил у прохожих о местном книжном магазине.

– Кажется, в самом начале набережной, – ответили ему не очень уверенно.

Выйдя на широкую набережную, Гранин сразу ощутил ее величие и неповторимую красоту. Своим простором и разнообразием архитектуры она скорее походила на городской проспект, где перспектива моря была его важной составной частью. Именно здесь остро чувствовалось, что Ялта – особенный крымский город со свойственным только ему простором, внутренней теплотой и необычной свободой. Сидящие на набережной рыбаки и множество шхун на фоне силуэтов кораблей гавани дополняли это живое умиротворение жизнью ее обитателей.

Широкие платаны, кипарисы, ухоженная прибрежная растительность, строгие и красивые здания, выходящие на набережную, наяву подтверждали многочисленные упоминания о городе, как о жемчужине Крыма.

Сразу бросалась в глаза насыщенная здешняя архитектура, которая на протяжении нескольких веков впитала с себя курортные традиции восточной и западной культур и оттого казалась предельно изящной и одновременно не лишенной прелести европейского стиля.

Он быстро нашел в начале набережной довольно крупный книжный магазин, но ни продавцы, ни покупатели не смогли подсказать ему об известной в начале века книжной лавке Синани. О знаменитой скамейке перед входом тем более никто не знал.

Идя по широкой набережной, Гранин продолжал спрашивать об этом у продавцов сувениров, книг и журналов и даже у казавшихся местными прохожих. Но люди пожимали плечами и лишь с любопытством смотрели на пожилого мужчину.

Одна преклонного возраста продавщица газет безуспешно пыталась вспомнить и посоветовала искать недалеко от Морской улицы. Там Гранину сказали, что знают только библиотеку имени Чехова, находящуюся в 5-ти домах от набережной.

«Ну, уж в библиотеке наверняка знают об этом хорошо», – с надеждой подумал он.

Однако и там миловидная девушка-библиотекарь ничего не могла сказать о магазине Синани.

Заметив расстройство собравшегося было уходить мужчины, она участливо произнесла:

– Знаете, наш архивариус, – указывая наверх, произнесла она, – Наверняка знает про это.

Поднявшись на второй этаж, Гранин нашел заветную дверь. Он зашел в просторный кабинет, в самом углу у окна заметил небольшую фигуру девушки, похожей на подростка. Приблизившись, сразу понял причину необычной фигуры, связанной, видимо, с последствием раннего паралича.

– Синани... сейчас погодите, – достала она уже знакомую Гранину книгу о Чехове «Письма из Ялты».

– Прекрасно! – невольно произнес он.

– Ничего прекрасного в этом нет. Вы меня очень отвлекаете, – строго посмотрела молодая женщина.

– Неужели вам неинтересно самой?

– У меня масса работы, а вы меня отвлекаете.

Мужчина недоуменно молчал, не понимая.

– Подождите, – вдруг встрепелась она, как бы противореча своим словам – Посмотрим по карте конца XIX века.

Она нашла нужную книгу.

– Это бывшая гостиница «Париж», – двигала она по странице маленьким пальчиком, – От Морской следующая улица к центру. Вот тут, в 10-15 метрах от зданий набережной, – уверенно показала она.

– Спасибо, – промолвил Гранин.

– Ужасно много работы, – опять недовольно повторила молодая архивариус.

«Как-то неуместны и непонятны эти слова» – подумал он.

Выйдя из библиотеки, Гранин опять спустился к набережной, попав во власть фешенебельных магазинов, торгующих зо-

лотом и украшениями. Он не стал спешить и решил осмотреть все вокруг. Налево от Морской располагалась улица Краснова. Она начиналась оставшимся, видимо, от прежних времен красивым необычным зданием. В нем царствовала фирма «Persona Grata», призывая туристов к турам по экзотическим странам, по краям здания стояли привлекательные фигуры каменных голов, будто с острова Пасхи. Дальше улица красиво уходила вверх и касалась невысокого каменного парапета городского парка.

Справа от Морской, куда направляла архивариус, была улица поуже, на ней тоже располагались здания старой постройки. Прямо перед ней красиво пестрели громкими названиями магазины: «Крым-Золото», «Shaled», «Domino Eight», «Monet». Выше над ними просматривалась осовремененная старинная открытая летняя терраса. Справа в начале небольшой улочки располагался банк. Слева она была застроена временной фанерной конструкцией, на стене которой значилось объявление – реконструкция магазина одежды «Daniell».

«Видимо, очередной бутик, хотя может быть и что-то другое...» – подумал Гранин.

Угол обозначенного на старой карте дома находился не-много глубже черты сегодняшних начальных строений набережной. Теперь здесь не было никаких следов магазина Синани.

Пройдя несколько шагов, Гранин увидел, что на указанном месте теперь находился красивый бар с каменными столбиками ворот при входе.

Он прошел мимо них, смело открыл дверь и вошел. Приятная обстановка, тишина и никого кругом. Неожиданно появилась молодая девушка в строгом костюме.

Гранин обрадовался и начал задавать вопросы об искомом старом магазине.

Девушка молча слушала, довольно тупо глядя на клиента. Она ничего не знала о предмете расспроса. Глаза ее ждали заказа.

Гранин понял это довольно быстро:

– А у вас можно заказать бокал хорошего вина?

– Конечно, проходите к столику, – радостно и удовлетворенно смотрела она, – Какого желаете?

– Хереса... массандровского, – нерешительно произнес клиент, даже не спросив меню.

– Открыть бутылочку? – оживилась девушка.
– Пожалуй, грамм двести хватит.
– Мы не продаем в розлив, – он уловил небольшой холодок в глазах официантки.

– Я доплачу, – отреагировал посетитель.

Гранин сидел у широкого окна с видом на море. Через минуту красивый бокал, заполненный чуть выше половины, стоял перед ним. Глоток хереса был сказочно приятен, и после долгих поисков он сразу поднял настроение. Гранин вновь посмотрел на набережную и смерил глазами расстояние, вспомнив старую карту.

«А ведь именно здесь и находилась эта заветная скамейка», – подумал он.

Мужчина с удовольствием сделал еще два небольших глотка, прищурился, отвел глаза в сторону. Будто наяву перед ним вдруг предстали Толстой и Чехов, сидящие около торгового дома книги, фасад которого напоминал русскую избышку.

Внимательный взгляд скромного человека в пенсне с едва заметной улыбкой доверительно внимал даровитому мастеру:

– Жизнь удивительна и многообразна, дорогой Антон Павлович, и чем больше живу на этом свете, тем более не перестаю удивляться этому. С каждым годом все больше желания глубже познать ее безграничность. Скажу больше, я уверен, что и смерти-то нет, как таковой...

Толстой вздыхает и на выдохе продолжает:

– К сожалению, мысли людей больше заняты собственным материальным интересом, а радость окружения природы и самой жизни ускользает, будто вода в песок. Человек не понимает себя и теряется в своей слабости.

– С этим трудно не согласиться, но именно здесь меня от всего этого успокаивает необыкновенный морской простор и живописный воздух. Я даже грешным делом купил в Гурзуфе небольшой клочок земли со скальным выходом к морю. Смотришь на него утром или рыбачишь один недалеко от берега и радуешься, как оно прекрасно и живо...

– Завидую вам....Прибрежные скалы, солнце, ласковый ветер – настоящая жизнь.

– Но по мне оно вовсе не так романтично, а скорее даже несколько приземлено напоминает, как хрупка, скоротечна и зависима от природы человеческая жизнь.

– Спасибо вам. Я порой не могу отделаться от некого пафоса. Это в своем роде мое навязчивое наваждение.

– Лев Николаевич, а я этот ваш пафос бесконечно люблю, когда в гурзуфском парке представляю молодого Пушкина, пишущего свои изумительные русские сказки, думающего о наполненной реальным провидением поэме «Руслан и Людмила», но во мне, как дьявол, сидит простой человек... И в нем для меня своя неповторимая музыка.

– Завидую вам. Видно, я из прошлого поколения. Что-то уже не в силах ощутить. А так хочется все охватить ясно и глубоко. Это невозможно без обновления. Поневоле проникаешься недоверием, некой педагогикой к молодым. Как она вредна и даже стала ненавистна мне... Вот уже много лет переписываю один рассказ о южном характере, о Кавказе. Он могуч и сразу не очень понятен нам, живущим в умиротворении. Но поразительно, что совсем не случайно русский человек в этих местах находит свою душевную отраду. По крупикам нащупываю эту скрытую истину, так хочется четче выразить суть... И не уверен, что скоро буду печатать.

– Мне кажется, нельзя думать долго об одном сюжете. Я стараюсь завершать рассказ или пьесу как можно быстрее, иначе своими глубинными сомнениями можно привнести искажение во все, что живет вокруг нас...

– Пожалуй, это верно. Согласен, что, несмотря на неоднократно обдуманые собственные суждения, надо писать быстро, полагаясь, может быть, даже больше на ежеминутные впечатления... «Севастопольские рассказы» я писал именно так... Возможно, в этом и вся соль нашего ремесла.

Из книжной лавки выходит хозяин – Синани, за ним следует молодой и стройный Бунин.

– Лев Николаевич, – обращается владелец магазина к метру, – По традиции я пристаю к своим любимцам с убедительной просьбой написать что-нибудь в мою тетрадь отзывов.

Знаменитый писатель немного теряется, отстраняется от ее красивого дерматинowego переплета и разводит руками:

– Что же написать? Не знаю, ...Антон Павлович, может, вы?

– Я тоже не могу так сразу, хотя безгранично люблю и этот дом, и хозяина и эту невероятно удобную лавочку для общения... Иван Алексеевич, уж лучше вы, как самый молодой... наша надежда.

Синани неожиданно парирует:

– Он уже написал мне полгода назад.

Бунин берет красиво оформленную тетрадь, находит свои строки, датированные февралем, и передает Чехову.

– Замечательно! Я тоже хотел написать именно так, – восклицает он.

Толстой берет из его рук импровизированный альбом и тоже с неподдельным удовольствием читает:

«В Ялте зимнею порой

Только море и Синани.

Бродят тучки над горой,

Остальное все в тумане».

– Как просто и верно, молодой человек. Да, вы настоящий продолжатель нашего дела...

Заметив, что немного смутил Толстого, Синани прячет тетрадь вишневого цвета за спину.

Он знает, что писатель, поправляя здоровье, гостит у княгини Паниной, и еще не раз заглянет в книжную лавку.

На лице Льва Николаевича заметно скользит внутреннее напряжение и недовольство собой:

– Пойду я, господа, через Верхнюю Ореанду по своей любимой тропе в Гаспру... Софья Владимировна просила не опаздывать к обеду.

Он прощается со всеми, крепко и как-то индивидуально глядя в глаза, пожимает руку каждому.

– Всего доброго, Иван Алексеевич, – неподдельно радуясь молодому человеку, говорит он напоследок.

Провожая взглядом удаляющегося Толстого, Синани кладет тетрадь на колени, садиться на лавочку и приглашает следовать примеру Бунина.

– Я уж постою, сидеть положено здесь могучим мэтрам и хозяину.

– Не скромничайте, скоро вы переплюнете всех этих мэтров, – смеется Чехов и берет с колен Синани тетрадь.

Синани тоже улыбается, радуясь доброжелательной обстановке.

Вдруг Чехов серьезно говорит:

— А знаете, сколько лет еще будут читать меня после смерти? ...Лет семь.

На лице Бунина возникает яркое недоумение. Синани тоже смотрит вопросительно на любимого литератора.

— Ну, семь с половиной, — тихо говорит Чехов, листая тетрадь, — Как хорошо написал Немирович... Вы, — смотрит он с благодарностью на Синани, — Своим активнейшим участием очень помогли здесь художественному театру.

— Я этому безгранично рад... Общение с артистическим миром для меня особая радость, а откровения Владимира Ивановича — как ладан для души... И тетрадь эта для меня — как партитура к опере...

— Вот вы и выдали себя, как незаурядного ценителя искусства, дорогой, Исаак Абрамович. А что вы по-настоящему думаете о нас, писателях? Полагаю, что не только как о тех, кто вас немного кормит от продаж произведений?

— Да что вы, Антон Павлович, я об этом никогда не думаю. От табака в лавке я получаю прибыли значительно выше.

— Ну а все-таки?

— Мне кажется, что в каждом из вас музыкант, и это происходит как-то независимо от вас самих. Вот Толстой — словно Бах, его орган бессмертен, вы, Антон Павлович, скрипач или виолончелист... Горький — пламенный трубач ...

— А Иван Алексеевич?

— Скорее он владеет фортепьяно. Даже внешне он очень похож на Рахманинова.

— Гм... Скрипач, ...право, интересно... Об остальных очень верно подмечено... Надо обязательно написать об этом рассказ, — улыбается Чехов.

— Антон Павлович, а почему вы сказали, что читать вас будут так недолго? — взглянул на него неожиданно Бунин, словно не слыша хвалебных слов.

— ...Потому, дорогой Иван Алексеевич, что я не употребляю таких слов, как «серебристая даль», «аккорд» или «на бой, на бой, в борьбу со тьмой!»... У меня мало желаемого острого сю-

жета с тривиальным счастливым завершением. В моих рассказах скорее больше малоприметного повседневного, нет широты философской мысли Толстого, а мои пьесы, думаю – немалая заслуга Станиславского... Он познакомил меня с загадками театра, мы много беседуем о сцене. Порой, мне кажется, он и направляет меня, многое внутренне подсказывает...

– Такого острого современного взгляда, как у вас, я не вижу ни у кого другого...

– Ну, уж прямо ни у кого... Я восхищен Куприным, его яркостью стиля и языка... А мой немного будничный... похож на некую журналистскую лирику, которая не всегда привлекает читателя и не очень свойственна для восприятия русского человека... Может, еще либералам по душе... Да и не вижу я большой заслуги в своих сочинениях... Вот, к примеру, свою повесть «Драма на охоте» считаю пародией на детективную бульварщину. Лев Николаевич написал бы совсем не так и даже мыслей у него таких пошлых нет... Одно слово – мелодрама...

– По мне, прекрасно все звучит и очень по-русски, Карнеев – просто душа, а его шурин Пшехоцкий – неподдельное олицетворение обывательского Запада – возмущает Синани.

– Нет, слишком прямолинейная схема... немного не то, что я думаю... Кстати, Лев Николаевич только что говорил и о своих сомнениях...

– Это писательское самоедство, Антон Павлович, вы все преувеличиваете.

– Не то, Иван Алексеевич. Вот был я на Сахалине несколько месяцев... Какая силища русская, затаенная глубина характера нашего, а ведь написать мог лишь журналистские путевые заметки... нет сил отделаться от этого всеобъемлющего ощущения неповторимости России... Удастся ли когда-нибудь написать роман или повесть, не знаю... Вот и здесь, в Крыму я сердцем чувствую нашу духовную мощь, необъятную силу, ...надежду. Как же тут хорошо! А в Москве и Петербурге во всех этих патриотических призывах сквозит нарочитая фальшь...

– У нас к вину есть замечательные сладости, – словно из глухого подземелья слышит Гранин резкий голос подошедшей девушки-официанта, – Если хотите, я принесу...

Она немного встревожилась необычной позой клиента – то ли ему стало плохо, то ли его начал сковывать крепкий сон.

– Да нет, спасибо... и так сладко, – быстро возвращается он из забытья.

Девушка принесла счет, и Гранину показалось, что он заплатил непомерную сумму, но настроение его не стало от этого хуже.

Он вновь оказался на набережной и сразу заметил скульптурную композицию «Дамы с собачкой». Ей было предназначено свободное место недалеко от старинных строений перед комплексом «Villa Sofia». В центре набережной красочная композиция казалась очень облюбованной горожанами, туристами и приезжими. Все обязательно желали сделать «селфи» около нее.

Женщина в широкополой шляпе, затеняющей лицо, настойчиво объясняла сыну-подростку:

– Эта скульптура называется «Дама с собачкой и Чехов», который увидел ее здесь, в Ялте и написал знаменитый рассказ.

«Странное название памятника...» – задумался Гранин.

Ему сразу бросилось в глаза определенная несхожесть бронзовой дамы с описанным в рассказе образом. Она уверена в себе и смело смотрит вдаль, подчеркнуто стройна, изящна и для женщины того времени довольно большого роста.

«По ней не скажешь, что она трудно принимает ухаживания», – невольно улыбнулся он, – «Настоящая «блондинка-барби» – мечта сегодняшних девочек, которые в 10-12 лет ходят как медвежата с рюкзаками, высоко поднимая колени и припадая назад, будто на попу».

Он сразу вспоминает слова Чехова:

«Дама невысокого роста, блондинка в берете. Рядом всегда белый шпиц. Скована несмелостью, угловатостью в ее смехе при разговоре с незнакомыми. Совсем недавно была институткой...»

Лицо Гранина проясняется, и он с удовлетворением представляет авторский образ еще юной женщины с неискушенным самолюбием нежным сердцем и совсем нерастраченною лишь привязанностью к собачке любовью.

– Совсем мало написано об окружающей южной природе, которая, несомненно, играла роль в развитии отношений, – почти

шепчет он про себя, – Но емко и предельно романтично: – «Вода была сиреневого цвета, мягкого и теплого. От луны шла золотая полоса».

– Какая красивая собачка, – слышит Гранин радостный возглас стоящего рядом ребенка.

Гранин сразу обращает внимание, что мордочка бронзовой собачки слишком агрессивна, она явно избалована и похожа на наглого современного домашнего зверька.

«У Чехова совсем не так», – оценивает он, – «Шпиц предан хозяйке без подробных характеристик».

Взгляд Гранина переходит на скульптурное изображение стройного и немного даже щеголеватого мужчину.

«Ну, это вовсе не Чехов. Он немного фатоват... Скорее, это герой рассказа, 40-летний Гуров», – рассуждает он, глядя на скульптуру знающего себе цену мужчины, облокотившегося на парапет, не сдержанно, а почти уверенно смотрящего на женщину, предвкушая победу.

Невольно всплывают в памяти строки автора:

«Дмитрий Дмитриевич изменял жене уже давно, знал, что нравится женщинам».

– Он знал даже холодных красавиц, у которых «кружева на белье казались чешуей» – невольно произносит он, – Действительно, он смотрел на Анну Сергеевну в первые дни знакомства, как на очередную жертву, а не на предмет неожиданно проснувшегося чувства.

Вспоминая слова Гурова «что-то в ней жалкое», он ясно представил, как совсем не сразу в нем вспыхнула запоздалая любовь, появилось к этой женщине что-то новое и до этого неиспытанное.

– Странный старик. Сколько можно стоять рядом со скульптурой и разговаривать с самим собой, – слышит Гранин неприятный женский голос за спиной, – Можно попросить вас немного отойти в сторону? Я хочу сфотографировать ребенка.

Гранин покорно отходит от привлекающей всеобщее внимание композиции.

«Почему людям так безразличны сами образы?» – невольно мелькает в его голове.

Он повернулся лицом к морю и продолжил свой путь по красивой просторной набережной с широкими бульварными скамейками для отдыха, но проснувшиеся мысли не отпускали его:

«Толстой написал роман «Анна Каренина», а Чехов этот рассказ – не более десятка страниц текста. А как они одинаково глубоки и тонко соприкасаются. У Чехова больше едва приметных деталей. «Ее тонкая, слабая шея» можно сказать только после интимного прикосновения. Или «от нее веяло чистотой порядочности и наивности». Казалось бы, что можно написать нового о зарождающейся любви, но тема неисчерпаема, потому как истинная суть скрыта в каждой индивидуальности. Наглядны и писательские муки в общих и одновременно разных ощущениях долгожданного обожания противоположного пола.

В одноименном фильме Баталов внешне очень близок к Чехову, его образ точен и неповторим – он радужно рассказывает другу о своем неожиданном чувстве, в трепетном ожидании в театре и гостинице. Только случайно видя себя в зеркале – «голова стала седа», он почувствовал глубокую ответственность. Во внешне спокойной Савиной скрыта мощь женского сердца, которой глубоко претит лакейство мужа. Она не смирилась с жизнью покорной провинциалки, будто ждала Гурова, и разом взрывается еще не остывшим порывом и потом уже навсегда охвачена нежными чувствами к любимому.

Диалоги кажутся скупыми, но насыщены внутреннем трепетом и душевным теплом.

У Толстого ярко выраженная драма, а у Чехова значительно сложнее: полюбившие друг друга пытаются найти выход из окутавших их жизненных «пут», но самое главное только начинается и в действительности обе стороны как бы смирились со своим положением».

«Что-нибудь придумаем», – проговаривает немолодой мужчина почти конечную фразу Чехова, продолжая бормотать про себя, – «И, возможно, они будут доживать свою жизнь отдельно друг от друга, изредка предаваясь встречам, а потом воспоминаниям, которые со временем назовут ошибкой... Любовь невозможно втиснуть в постоянную форму... Человек каждодневно меняется, а постоянство несовместимо с новыми чувствами... А как просто в природе – любви определено лишь одно время в

году... А потом страсти утихают, и лишь новый весенний взрыв сможет встряхнуть все это по-новому...»

Медленным шагом идя по набережной, Гранин изредка смотрит на тихое ласковое море и вспоминает слова одного из писем Чехова из Ялты: «Синее, нежное, как волосы невинной девушки».

Теперь поневоле глаз Гранина останавливается на других городских скульптурах.

Немного консервативный и строго в классическом стиле на постаменте памятник одному из первых архитекторов города – Его Императорского Величества академику Краснову Н. П. – оказался очень достойным.

Неожиданно перед одним из морских причалов около кафе «Апельсин» в форме каравеллы Гранин натывается на небольшую скульптуру Михаила Пуговкина.

Он сразу узнает самобытного одаренного и всеми любимого знаменитого артиста, который несколько лет жил здесь, в Ялте.

«Видимо, Михаилу Ивановичу очень нравилось сидеть на скамейке и смотреть на море именно здесь, иначе трудно понять творческую задумку скульптора» – подумал он.

Дойдя почти до конца набережной, немолодой человек решил подняться вверх по улице Гоголя.

Он видит памятник с пытливым взглядом, подходит ближе и узнает в этом облике Юлиана Семенова.

«Будто мысленно пытается определить местонахождение Янтарной комнаты или золота партии...» – застревает в его голове.

Он искренне уважал этого советского писателя политического детектива, но с неприятным чувством два дня назад посетил его дом-музей среди неприметных восточных улиц, самостоятельно организованный «на пожертвования» дочерью, ныне живущей в Париже. Это посещение входило в туристический маршрут по городу боевой славы Севастополю со святынями Херсонеса, красотами церкви Фороса и прочими православными памятниками. Немного резало ухо, когда экскурсовод совершенно надуманно подчеркивал модное сейчас противостояние талантливого писателя-журналиста прошлой власти и невольно подумал:

«Как это противно и пошло. Юлиан Семенов или Ляндрес был не раз обласкан властью, предоставившей ему немало наград и руководящих постов в издательствах и вдруг – преследования. Конечно, в каждой биографии можно найти противоречия, но не здесь. Скорее не раз озвученная в СМИ версия о связи его с КГБ более правдоподобна, так как при определенной закрытости страны ему была довольно странно предоставлена широчайшая возможность разъезжать и работать по всему миру, иметь немало именитых зарубежных друзей. Ляндрес с энтузиазмом встретил перестройку, но был против развала СССР и, в конечном счете, как и многие, остался недовольным тем, что произошло с его страной. Дочь живет не в своей стране, а работает за рубежом журналистом. Возможно, пишет, что сегодня модно и востребовано на Западе о России. Упоывая на созданный отцом обличительный рупор «Совершенно секретно», она намекает, что его якобы «устранили». Но опять не складывается – любивший внимание незаурядный журналист использовал свою последнюю трибуну с громким названием, чтобы остаться на плаву славы, не забывая и о необходимом для журналиста пиаре. И, что греха таить, в силу своего общительного характера известный писатель любил предаваться радостям жизни и среди прочего не гнушался злоупотреблением горячительными напитками. Посему вполне закономерно получил инсульт на 61-ом году жизни. Если бы дочь продолжала «борьбу» против власти, которая всегда несправедлива к слабым и менее защищенным, было бы еще понятно... Но так – просто надуманный драматический абсурд... да и что, собственно, ждать другого сегодня в мире незаслуженного обогащения и поиска известности любым путем?»

Гранину не хотелось развивать эту мысль, она уже казалась старой, как и он сам. Он поднял голову. Впереди поднималась строгая и прямая вертикаль уличной магистрали.

«И все-таки непонятно, почему здесь, в начале улицы Гоголя не поставлен памятник самому всемирно известному писателю?» – переключился он.

Слева возвышались в классическом стиле красивые старинные здания, которые занимали административные учреждения, в том числе и банк РНКБ. Поскольку строения были тщательно и недешево отреставрированы, они привлекли внимание